

— Не занижай свои достоинства. На мой взгляд, твои картины превосходят уровень многих мастеров. Послушай меня, выставь на продажу остальные картины, я закажу их оформление в рамы, и тогда у тебя появятся средства на лечение отца.

Бай Цинцзю не хотел соглашаться, но расходы на лечение отца были насущными, и он не мог вечно полагаться на чужую помощь, особенно на Мужун Циня.

Других картин у Бай Цинцзю не было. Вэй Чэньюань сказал, что не хватает одной картины, и он заперся в студии, работая не покладая рук.

В этом Бай Цинцзю, вернувшись через пять лет, было иное душевное состояние: накопленное за эти годы мастерство стало совсем другим — более сильным, проникновенным и идущим от сердца.

Вэй Чэньюань, увидев работу, не переставал хлопать в ладоши, говоря, что на аукционе лично выкупит эту картину и увезет за границу для коллекции.

На аукционе Бай Цинцзю услышал, что выставили его первую картину. За кулисами он нервно тер руки. На самом деле он не был уверен, удастся ли продать ее хотя бы за 30 000–50 000.

Кто-то сразу назвал цену:

— 1 000 000.

— 1 000 000, продано!

Выставили вторую картину. Сначала гости повышали ставку по 10 000–20 000. Бай Цинцзю подумал, что уже неплохо, но кто-то снова выкрикнул:

— 3 000 000.

— 3 000 000, продано!

Как его картины могли стоить таких денег? Бай Цинцзю за кулисами ничего не слышал, только стук молотка, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Третья картина. Бай Цинцзю вышел на сцену, чтобы представить её, так как он не был известным художником, личное присутствие выражало большее уважение.

Картину вынесли, Бай Цинцзю сжал ладони. Он всегда плохо владел словом, а после пяти лет заточения в большом доме от его навыков общения мало что осталось.

Под провозглашение ведущего Бай Цинцзю вместе с картиной поднялся на сцену. В этот момент Вэй Чэньюань сидел в первом ряду, ближе всех к нему, во взгляде читались поощрение и одобрение.

Бай Цинцзю заговорил, голос был чистым и приятным:

— Здравствуйте, я автор этой работы, Бай Цинцзю. Она выражает...

Голос оборвался, как только он собрался рассказать о вдохновении для картины, увидев в зале Мужун Циня с мрачным выражением лица.

Взгляд Мужун Циня был темным, исходил от него черный холод, любое движение его черт

заставляло Бай Цинцзю задыхаться, а сердце биться чаще.

Рядом с Мужун Цинем сидел молодой красивый парень. Те, кто мог здесь оказаться, были либо богаты, либо знатны. Он пересел несколько раз, чтобы оказаться рядом с Мужун Цинем, раньше не решался завязать разговор, но теперь капризно произнес:

— Что это? Сказал полуслово и замолчал.

Мужун Цинь бросил на него взгляд, парень тут же подался к нему:

— Господин Мужун, я Сюэ Цинь, мы виделись на вечере, вы помните меня?

Мужун Цинь не хотел отвечать, поднял глаза на Бай Цинцзю на сцене. Тот был бледен, напряжен, словно появления Мужун Циня совсем не ожидал.

Мужун Циня душила злость, вспоминая, как тот сбежал после случившегося, кровь закипала. Он схватил Сюэ Циня за запястье:

— Часы неплохие.

— Правда? Спасибо, господин Мужун.

Бай Цинцзю тихо выдохнул и произнес:

— Эта картина не имеет никакого смысла, спасибо всем.

— Нет смысла, а стоишь так долго, водишь за нос.

— Он что, студент? Студенческие наброски выставил на продажу, деньги заработал?

— Мне кажется красивая, с настроением.

В зале загудели. Сюэ Цинь потянул за рукав Мужун Циня, наклонившись ближе:

— Господин Мужун, что значит эта картина? Человек лежит на облаках, умер? А другой уходит, это пара влюбленных? Какая жестокость.

Ногти Бай Цинцзю впились в ладони, он судорожно сжал пальцы. Заготовленные слова так и не прозвучали, он только и мог смотреть, как Мужун Цинь смеется с другим, и сердце наполнялось горечью.

Будь то Ся Юй или кто-то другой, Бай Цинцзю не мог справиться со своей эгоистичной психологией: он завидовал, его мутило, было невыносимо больно. Сам не мог получить, но и не терпел, когда он был с другими.

Бай Цинцзю хотел сбежать со сцены, пусть картину никто не купит, пусть ее не продадут.

За последние пять лет Мужун Цинь часто не ночевал дома, а Бай Цинцзю не задал ни одного вопроса.

«Я не могу им управлять, только прошу не заставлять меня это видеть».

Мужун Цинь говорил:

— Ты мне никогда не верил.

Во что мне было верить? Пять лет Бай Цинцзю жил в тумане, постоянно терял и приобретал, но разве то, что удерживаешь, означает, что оно принадлежит тебе?

Нет, он никогда... не принадлежал мне.

— 3 000 000.

В шумном зале аукциона наконец раздался голос, это был не кто иной, как Вэй Чэньюань.

Бай Цинцзю замер, покачал головой:

— Господин Вэй...

Он говорил, что купит, но картина не стоила таких денег. Перед аукционом Вэй Чэньюань сказал, что вырученные деньги разделят пополам: он заберет половину, а остальное пойдет на благотворительность.

Бай Цинцзю рассчитывал максимум на несколько десятков тысяч, половины хватило бы на лечение отца на ближайшее время.

Мужун Цинь презрительно хмыкнул, посмотрел на Сюэ Циня:

— Тебе нравится эта картина?

Сюэ Цинь кивнул:

— Нормальная.

Мужун Цинь поднял табличку:

— 4 000 000.

Сюэ Цинь удивился:

— Господин Мужун, мне она не нужна, вы уже купили две его картины, они правда так стоят?

Мужун Цинь сжал губы, взгляд горел:

— Конечно, стоят.

Вэй Чэньюань сказал:

— 5 000 000.

В зале прошел вздох, даже фарфор династии Мин не стоил так дорого, а ведь это всего лишь студенческая работа. Семья Мужун богата, потратить несколько миллионов на две картины для них не странно. Но ведь этот благотворительный аукцион организовал Вэй Чэньюань, зачем он ввязывается в торг? Если нравится, пусть не выставляет.

Бай Цинцзю побледнел, из-за чего они спорят? Это всего лишь картина, для них несколько миллионов — просто цифры?

Мужун Цинь скрипнул зубами, захлопал в ладоши:

— Хорошо, хорошо, раз господин Вэй положил глаз, значит вещь стоящая, я забираю.

Вэй Чэньюань обернулся с улыбкой:

— Господин Мужун, вы уже купили две картины Сяо Бая, это слишком расточительно.

— Я не беден. 6 000 000.

Бай Цинцзю задыхался, едва держал картину, голос тонул в напряжении между ними:

— Я не буду продавать... вы...

Вэй Чэньюань не уступал:

— 8 000 000.

Бай Цинцзю был в ужасе:

— Господин Вэй, не надо, если вам нравится, я подарю её вам, не стоит тратить столько денег.

Мужун Цинь так сжал кулаки, что они затрещали. Ладно, Бай Цинцзю, ты смеешь говорить это при мне.

Мужун Цинь бросил взгляд на сцену, Бай Цинцзю отступил на два шага, снял картину с подставки и хотел уйти.

Зал замер в ожидании, что за спектакль? Всего одна картина, а они готовы убить друг друга? Впрочем, тот хрупкий художник на сцене действительно выглядел привлекательно, стоит ли тратить миллионы ради его улыбки?

— 10 000 000.

С задней части зала раздался этот голос, Бай Цинцзю застыл. Это был не Вэй Чэньюань и не Мужун Цинь, а чей-то голос, казавшийся знакомым, но он не мог вспомнить.

Ся Чанъянь вышел вперед:

— Раз уж вы на аукционе, нужно соблюдать правила, достанется тому, кто даст больше. Я даю 10 000 000, вы будете добавлять?

Мужун Цинь прищурился, холодно произнес:

— Ся Чанъянь, зачем тебе вмешиваться?

— Свои вещи не стоит отдавать чужим.

Вэй Чэньюань ничего не понял, собрался открыть рот, но Мужун Цинь его остановил. На этот раз он проявил великодушие:

— Всего лишь картина, пусть забирает.

Сотрудники аукциона забрали картину у Бай Цинцзю, пока он шел за кулисы, голова шла кругом.

Семья Ся, старший брат Ся Юя, зачем он предложил такую огромную цену за эту картину?

Они виделись всего один раз, Бай Цинцзю вспомнил его узкие глубокие глаза и ему стало не по себе от холода в спине.

Прошло неизвестно сколько времени, аукцион наконец закончился. Вэй Чэньюань подошел его успокоить:

— Сяо Бай, что случилось? Выглядишь не в духе.

Бай Цинцзю еще не пришел в себя:

— Господин Вэй, зачем вы...

— Просто понравилось, без причины. К тому же, я в итоге её и не получил.

— Господин Вэй, для вас деньги вообще ничего не значат, да? 100 000 000 — это вообще немного, да?

Вэй Чэньюань мягко улыбнулся:

— 100 000 000 — это действительно много, но все зависит от того, кому ты их даешь. Если это человек, с которым ты хочешь провести всю жизнь, то это совсем немного.

<http://bllate.org/book/16396/1485023>